

ТЕМА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В ПИСЬМАХ О.М. ФРЕЙДЕНБЕРГ Б.Л. ПАСТЕРНАКУ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ

В работе анализируется тема блокадного Ленинграда в письмах ученого-филолога, культуролога О.М. Фрейденаберг двоюродному брату Б.Л. Пастернаку. Поскольку переписка была опубликована сравнительно недавно, то введение ее в научный оборот, обозначение ее ключевых тем и интенций корреспондентов представляется важным и актуальным. Статья предназначена для специалистов-филологов и всех, кто интересуется эпистолярным наследием XX века. Переписка Фрейденаберг и Пастернака периода блокады рассматривается автором как особый тип комбинированного дискурса, соединяющий социально-коммуникативные, бытовые, знаково-символические функции. Она является частью единого художественно-смыслового полотна – всего творческого и научного наследия брата и сестры, всей их переписки, длившейся более полувека и базировавшейся на «вечных» темах: творчества, смысла бытия, любви, веры, гуманизма. Образ блокадного города в письмах представлен как отправная точка для философских рассуждений корреспондентов о категориях бытия, времени и пространства, о смысле жизни. Вместе с тем письма демонстрируют художественный талант и виртуозное владение словом их авторов, способность сказать важное между строк. В работе анализируется стилистика эпистолярия Фрейденаберг, когда синтаксис наряду с лексической образностью рождает яркие, трагические картины описываемого.

Ключевые слова: Пастернак, Фрейденаберг, эпистолярный, переписка, дискурс, «вечные» темы, Ленинград, блокада.

Информация об авторе: Микурова Полина Леонидовна, ORCID: 0000-0003-2542-2130, аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия.

E-mail: p.mikurova@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 12.12.2019.

Для цитирования: Микурова П.Л. Тема блокадного Ленинграда в письмах О.М. Фрейденаберг Б.Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 144-148. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-144-148.

Polina L. Mikurova
Moscow City Pedagogic University

THE THEME OF BESIEGED LENINGRAD IN THE LETTERS OF OLGA FREINDENBERG
TO BORIS PASTERNAK IN THE FIRST HALF OF THE 1940S

The theme of besieged Leningrad contained in the letters of scholar-philologist, culture scientist Olga Freindenberg to her cousin Boris Pasternak is analysed in the paper. Since the correspondence was published relatively recently, its introduction to scientific circulation, determination of the subject and intentions of the correspondents seem to be important and topical. The article is intended for specialists-philologists, for all those interested in epistolary heritage of the 20th century.

The correspondence between Boris Pasternak and Olga Freindenberg referring to the period of the siege is represented by the author as a specific type of combined discourse which unite social and communicative, everyday, significant and symbolic functions. It is a part of the single artistic and semantic canvas, the whole creative heritage of the cousins, the whole of their correspondence which lasted for more than half a century and was based on «everlasting» themes like creative work, meaning of existence, love, faith, humanism. The image of besieged Leningrad is represented in the letters as a starting point for correspondents' philosophic considerations about such categories as existence, time and space, about meaning of existence. At the same time, the letters demonstrate their authors' artistic talent and virtuous possession of the word, the ability to say important between the lines. The stylistics of Olga Freindenberg's epistolary heritage, when syntax, along with lexical figurative, gives rise to vivid, tragic paintings of what is described, is analysed in the work.

Keywords: Boris Pasternak, Olga Freindenberg, epistolary, correspondence, discourse, «everlasting» themes, Leningrad, siege.

Information about the author: Polina L. Mikurova, ORCID: 0000-0003-2542-2130, postgraduate student of the Department of Russian literature of Moscow City Pedagogic University, Moscow.

E-mail: p.mikurova@yandex.ru.

The article received: December 12, 2019.

For citation: Mikurova P.L. The theme of besieged Leningrad in the letters of Olga Freindenberg to Boris Pasternak in the first half of the 1940s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 144-148. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-144-148.

Переписка Бориса Пастернака и его двоюродной сестры, ученого-филолога, антиковеда Ольги Фрейденаберг, обнаруженная Н.В. Брагинской в начале 1970-х гг. и впервые опубликованная в 1982 г. в США, длилась с 1910 по 1954 год. Эпистолярное общение кузенов выступает как исторический, биографический

и литературоведческий артефакты. Письма поэта и ученого являют их как участников и свидетелей знаковых для судьбы страны событий, повествуют о личных трагедиях и творческих достижениях корреспондентов. В связи с этим утверждение о том, что «в письмах... проявился особый тип общения, соединивший бытовое и профессиональ-

ное, частное и общественное» не вызывает сомнений [Матвеева, Микурова: 51].

Цель статьи – рассмотрение писем Фрейденберг Пастернаку в качестве целостного дискурса. В связи с тем, что в последние годы «множится» описание «конкретных дискурсов и дискурсивных разновидностей» [Мальшева: 37], в настоящем исследовании мы суживаем значение данного термина и опираемся на понимание дискурса как соединения «субъекта, истории, идеологии, бессознательного и власти» [Веллого: 9], а в качестве единицы дискурса вслед за М. Фуко рассматриваем высказывания участников переписки, в которых открывается «остаточное существование в поле памяти» [Фуко: 93], личный опыт и чувства целого поколения уходящей эпохи Серебряного века. Для целостного понимания ленинградского дискурса в переписке кузенов важно рассмотреть не только сами письма в их событийном контексте, бытовые и философские рассуждения участников переписки, но и представить их как особую форму человеческого сознания, обусловленного общей для обоих социокультурной традицией. Такое рассмотрение писем Фрейденберг и Пастернака позволит, на наш взгляд, «выявить смысловые пласты текста», рассмотреть их «в динамике: письмо как язык, письмо как слово, письмо как знак, письмо как символ <...> письмо как культурное наследие...» [Фесенко: 140].

Творческая судьба Б. Пастернака складывалась трудно, особенно в последние годы жизни. Лишь в 1988 г. на родине писателя был напечатан роман «Доктор Живаго», что пробудило новую волну интереса читателей и ученых к творчеству его автора, а старшему сыну писателя, Е.Б. Пастернаку, в 1989 г. дало возможность получить Нобелевский диплом и медаль отца.

Научный и творческий путь Ольги Фрейденберг также был труден и тернист. В юности из-за национальности было сложно получить высшее образование, затем – работу. В 1930-е годы началась травля в русле борьбы с формализмом и в связи с ее поддержкой научных взглядов Н.Я. Марра¹. В эти же годы Фрейденберг поставили в вину «близость» к «свободолюбивому» Б. Пастернаку. Все это не позволило выдающемуся филологу продолжать исследования на созданной ей кафедре в ЛГУ. Она ушла из профессии, предпочтя писать «в стол», но оставаться верной собственным моральным принципам. Значительная часть ее научных гипотез, исторических оценок, литературных изысканий с тех пор фиксировалась в эпистолярной, а главным корреспондентом оставался Б. Пастернак. Судьба архива ученого, куда, кроме эпистолярной, входили автобиографические наброски, дневники и материалы об изобретательской деятельности ее отца, долгое время была неизвестна. Имя самой Ольги Фрейденберг было фактически стерто из истории науки.

Одна из центральных тем переписки Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг в первой половине 1940-х гг. была тема войны. Ее ключевой ракурс – блокадный Ленинград. До недавних пор эта тема занимала место на периферии исторической и литературоведческой наук. Причина замалчивания – конъюнктурная составляющая при оценке многих фактов, связанных с блокадной жизнью города на Неве. Так, до середины прошлого века выходили только те работы, которые соответствовали коммунистической идеологии. С наступлением «оттепели» стали появляться материалы, связанные с переосмыслением, казалось бы, незыблемой фактуры об истории осады Ленинграда.

Авторы, страницы творчества и эпистолярное наследие которых были посвящены теме осажденного Ленинграда, общеизвестны: О. Берггольц, А. Чаковский, В. Инбер, Л. Гинзбург, А. Ахматова, Вс. Вишневский и ряд других. В этом ряду О.М. Фрейденберг с ее письмами Пастернаку занимает особое место, ибо это послания мужественного человека, который каждый день видит смерть и мысленно готов принять свою долю. При этом Ольгу Михайловну тревожит не собственная жизнь, а судьбы близких людей, всех голодающих и замерзающих ленинградцев и главное – судьба города.

Образ непокоренного Ленинграда в переписке ученого и знаменитого поэта является значительным штрихом к истории страны периода Великой Отечественной войны, важным для понимания общественной, политической, психологической, нравственной, литературной составляющих жизни ленинградцев и не только их. Ключевые эпизоды, касающиеся Ленинграда, в переписке Фрейденберг и Пастернака являются стартом для рассуждений категориального характера: о жизни и смерти, войне и мире, исходе и безысходности, добре и зле, творчестве истинном и конъюнктурном.

Письма Фрейденберг периода начала блокады прочно связаны с семейными событиями. В этом отношении эпистолярный ученого имеет тот же вектор, что и у многих других авторов-блокадников (А. Ахматовой, О. Берггольц, Д. Гранина). Так, О.М. Фрейденберг беспокоится за судьбу отправленного на фронт племянника и надеется на скорое воссоединение с братом. «Я позвала бы тебя к нам, если б верила, что с московским паспортом это возможно» [Переписка: 185]. Разумеется, Фрейденберг в июле 1941 года еще не могла представить грядущие ужасы блокадного Ленинграда, поэтому она даже пыталась поддержать упавшего духом брата, позвать в гости, как в мирное довоенное время. Тем не менее она понимала, что стремительное наступление немцев принесет ленинградцам страдания и смерть. Когда началась эвакуация жителей Ленинграда и ученых академии наук, она сомневалась и мучилась, размышляя о том, покидать ли ей город на фоне подступающих к нему бедствий, но

в итоге приняла решение остаться, проявив душевную стойкость и моральную силу. Показательны ее рассуждения в письме к брату о верности сделанного выбора и о цене этого выбора – о смерти: «Мы остаемся. Я не в силах покинуть любимый город, мама не в силах доехать. Решение, предусматривающее смерть, легкое всегда решение. Оно не требует ни условий, ни программного образа действий. <...> А душа цела и живет. Она контрабандой протаскивает созидание» [Переписка: 185]. Именно ценой смерти покупается, по ее мнению, душевное возрождение. Стоит отметить, что эта черта характера Фрейденберг во многом определила ее научную и человеческую судьбу. Бескомпромиссная и верная себе даже в самые трудные времена (в периоды травли в университете, предательства коллег и учеников), Фрейденберг никогда не жалела о выбранном пути. Несомненно, ее стойкость послужила примером для Пастернака, которому еще предстоял трудный выбор сохранения себя как личности в период травли после заграничной публикации романа «Доктор Живаго».

Казалось бы, патовое положение Ленинграда должно было рождать исключительно негативные умонастроения. Однако Фрейденберг именно в эти дни пишет брату: «Придет обетованный час мирового обновления, кровавых зверей задушат. Я верю в уничтожение гитлеризма» [Переписка: 185–186]. Сдержанность и одновременно глубокий пафос говорят об искренней убежденности Ольги Фрейденберг в своих словах, о четко осознаваемой позиции. Через много лет такой же градус уверенности в победе и ненависти к гитлеровцам озвучит словами героя Виктора Штрума на страницах романа «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана: «Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преображенные, человекообразные существа. Но когда побеждает человек, наделенный свободой, разумом и добротой, – фашизм погибает» [Гроссман: 83].

С началом осени в Ленинграде стало трудно с продуктами питания. Жалоб Ольги Михайловны в письмах брату на это не звучит, она упоминает только факты, однако чем скупее лексические средства, тем чудовищнее нарисованная ею картина: коммерческие лавки с продуктами закрылись, к жителям начал подступать голод. Прием, при котором минимальными лексическими средствами выражаются сильнейшие эмоции, использовали многие ленинградцы. Это говорит не только о колоссальной силе их переживаний, но и о некоем едином «векторе» описываемого. «Осенью еще были открыты общественные столовые, где можно было получить питание по карточкам. Но уже тогда в них “дежурили” приличные, интеллигентные люди, которые немедленно доедали в тарелках, если кто-то оставлял ложку-две супа или второго» [Галкин: 15].

Это начало конца, как многим казалось, града Петрова резко контрастирует с ситуацией в Москве и Подмосковье. Пастернак еще не познал голода, он спасался огородом, к ведению которого его приучила вторая жена Зинаида Михайловна, жил на два дома (дача в подмосковном поселке Переделкино и квартира в Лаврушинском переулке в Москве). Уже зная о начавшейся блокаде, он еще не верил в ее длительность, надеялся, что сестра и тетка смогут покинуть осажденный город. Он даже звал сестру и тетку к себе. «Если бы случилось такое чудо, и вы проездом ли или в виде окончательной цели оказались в Москве как раз в мое временное отсутствие, тут будут всякие возможности, начиная с квартиры, некоторого топлива, некоторого количества картошки и капусты...» [Переписка: 189], – писал он, словно забыв о желании сестры остаться в Ленинграде несмотря ни на какие обстоятельства.

С началом войны, как ни парадоксально, у ленинградской части семьи Пастернаков-Фрейденберг установилась связь с отцом, матерью и сестрами Б.Л. Пастернака, проживавшими в Англии. В это время власть стала обращать значительно меньшее внимание на контакты с иностранцами по сравнению с довоенным периодом.

С осени первого военного года переписка кузенов прервалась на восемь месяцев. Молчал Пастернак и в ответ на письма заграничных родственников, чем вызывал недоумение сестры. После получения Фрейденберг телеграммы от родной сестры поэта, Лидии Леонидовны, появилась определенность: все члены семьи были живы и относительно здоровы.

«Блокадный» аспект переписки кузенов в это время неотрывно связан с биографическим, семейным. О том, как прошла первая блокадная зима для Фрейденберг и ее матери, можно догадаться по скупым замечаниям: «трудно писать», сравнение себя с Данте Алигьери, присевшем «черкнуть пером», сомнение в том, что переживет вместе с матерью блокаду. Картины нечеловеческих страданий, поистине дантовского ада приоткрывают воспоминания Фрейденберг о ледяной квартире, в которой приходилось спать при минусовой температуре, о дикой боли в отмороженных пальцах рук, о постоянной уличной канонаде, о всеобщем разобщении, когда никто не мог «ни подать руку, ни крикнуть “спасите”» [Переписка: 191].

Война для Фрейденберг была частью большого исторического хаоса, без которого, по мнению ученого, невозможно рождение и перерождение народов, обновление истории и культуры. Блокада Ленинграда заставила ее многое передумать и переосмыслить. Она не смирилась с положением города и его жителей, со своим собственным, но приняла все как данность и даже отчасти вписалась в чудовищный быт страшных 872 дней: «Наш город чист, как никогда ни один в истории. Он аб-

солютно свят. Он пастеризован. <...> Завтра нет для нас» [Переписка: 196–197].

Источник морального спасения в суровые дни осады Ольга Фрейденберг видела в науке и творчестве. «Одна страница настоящего искусства, две-три строчки большой научной мысли: и жив курилка!», – писала она брату, пытаясь своим примером излечить его от творческой и жизненной депрессии [Переписка: 196].

Лаконичный, но метафоричный и образный стиль Фрейденберг, свойственный всему ее наследию, потрясает. Говоря о тяжелейшем быте ленинградцев, вынужденных стоять в очередях за водой, она пишет как ученый-литературовед: «Это <...> футуристическая композиция, которая для обывательского глаза представляется грудой падающих и пересекающихся нелепостей в квадрате и квадратов в нелепости: это новое воспроизведение пространства и невиданных аспектов времени, с каузальностью, которая не снилась ни Гегелю, ни твоему доброму, старому марбуржцу² [Переписка: 197]. Так вполне конкретные, фактически точные картины жизни в осажденном Ленинграде выводят Фрейденберг к обобщениям категориального свойства. Подобное философское осмысление явлений блокадной жизни – неотъемлемая часть писем ученого.

Образцовая душевная стойкость вкупе с умением раскрыть философскую подоплеку настоящего, прошедшего и будущего – отличительная особенность мировоззрения, а, соответственно, и стилистики писем Ольги Фрейденберг. Конечно, картины блокадного Ленинграда можно найти и у других корреспондентов. Так, в статье Ю.А. Мазинга, собравшей воспоминания блокадников, представлена жизнь ленинградских детей: «С началом войны все радиоприемники были изъяты (“сданы на хранение”). Большие черные тарелки громкоговорителей <...> стали единственным источником оперативной информации. Первыми от фашистских бомб и пуль погибли ленинградские дети» [Мазинг: 20]. Однако, пожалуй, никто не поднялся на столь высокую ступень обобщения блокадной жизни, как Ольга Фрейденберг.

Освобождение Ленинграда навсегда связалось у Ольги Михайловны с освобождением ее матери от мучений: тетка Пастернака Анна Осиповна скончалась 9 апреля предпобедного года после тяжелой болезни. Приближение финала войны, снятие блокады с любимого города – ничто уже не радовало Фрейденберг. Как и для всех блокадников, руины выжившего года навсегда стали для нее символом не только беспримерного мужества, но также безысходности и смерти. «Пережито ужасное. Мама нечеловечески страдала четыре с половиной месяца» [Переписка: 209].

В письмах О. Фрейденберг Б. Пастернаку блокада Ленинграда, как и война в целом, предстает как чудовищное преступление и колоссальная

трагедия. В то же время, по Фрейденберг, это вероятное начало духовного обновления мировой цивилизации и в перспективе – отказ от любых тоталитарных проявлений. Трудности блокадных лет духовно сблизили членов семьи, особенно кузенов Бориса и Ольгу, что очевидно в рассматриваемой нами переписке. Не последнюю роль в этом сближении сыграло видение обоими науки и творчества как единственного пути к духовному спасению.

В письмах О. Фрейденберг к Б. Пастернаку блокадный Ленинград показан на первый взгляд схематично: констатация факта – его оценка – вывод. Однако подобная стилистика только усиливает глубину содержания посланий ученого. Они не просто фиксируют те или иные события, но суммируют и обобщают глубокие мысли автора исторического, религиозного, научного, творческого характера, возводя их в философскую степень. Благодаря такой манере письма образ блокадного Ленинграда предстает в письмах Фрейденберг с нетривиальной, откровенно-пугающей, документальной прямолинейностью, а собирательный образ ленинградца становится выражением духовного совершенства и стойкости. Блокадный Ленинград в письмах Фрейденберг Пастернаку становится, с одной стороны, символом ужасающей псевдорéalности, с другой – снежным покровом, под которым вызревал новый человеческий тип, лишенный животного страха смерти, живущий ради торжества высших духовных ценностей.

Таким образом, переписка О.М. Фрейденберг и Б.Л. Пастернака периода блокады Ленинграда представляет собой целостный дискурс, предполагающий единство взглядов участников переписки и ведущую роль в ней мужественной женщины-ученого. Именно ее видение страшных блокадных дней, скупые, но емкие описания быта ее маленькой семьи и быта ленинградцев, ее рассуждения о литературе, музыке, о жизни и смерти, об экзистенциальном одиночестве страдающего человека, ее высокохудожественные сравнения и обобщения имеют большое историко-культурное значение, дают понимание той удивительной духовной высоты, которая была фоном, питательной средой, породившей гениальную литературу и выдающееся литературоведение XX века.

Примечания

¹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – ученый-востоковед, филолог, академик АН СССР. Н.Я. Марр изучал генетические связи языков, разработал теорию классовой природы языка, которая была осуждена советской наукой.

² Коген Герман (1842–1918) – немецкий философ-идеалист, глава Марбургской школы неокантианства. Борис Пастернак был увлечен работами философа; живя в Марбурге, поэт был слушателем курса Когена.

Список литературы

Переписка Бориса Пастернака / сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. М.: Худ. литература, 1990. 576 с.

Вельуго О.А. Дискурс о дискурсе, дискурс в дискурсе, или что такое дискурс с точки зрения литературоведа // В мире научных открытий. 2010. № 4. С. 9–11.

Галкин Г.Ф. Ток. Екатеринбург, 2001. 38 с.

Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Изд-во АСТ, 2002. 877 с.

Мазинг Ю.А. Ленинградская квартира // Актуальные номера. 2014. Т. 5, вып. 1. Ч. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t5v1p1/2227-9490e-aprov_r_e-ast5-1-1.2014.41.php (дата обращения: 03.10.2019).

Мальшиева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во ОГУ, 2011. 323 с.

Матвеева И.И., Микурова П.Л. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2. С. 50–56.

Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 132–143.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 326 с.

References

Perpiska Borisa Pasternaka [The Boris Pasternak's correspondence]. Moscow, Hud. literatura Publ., 1990, 576 p. (In Russ.)

Velyugo O.A. *Diskurs o diskurse, diskurs v diskurse, ili chto takoe diskurs s tochki zreniya*

literaturoveda [Discourse about discourse, discourse in discourse, discourse is from the point of view of the literary theorist]. *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries], 2010, № 4, pp. 9–11. (In Russ.)

Galkin G.F. *Tok* [Current]. Ekaterinburg, 2001, 38 p. (In Russ.)

Grossman V.S. *ZHizn' i sud'ba* [Life and fate]. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2002, 877 p. (In Russ.)

Mazing Yu.A. *Leningradskaya kvartira* [The Leningrad flat]. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t5v1p1/2227-9490e-aprov_r_e-ast5-1-1.2014.41.php (access date: 03.10.2019). (In Russ.)

Malysheva E.G. *Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguo-cognitive research]. Omsk: OGU Publ., 2011, 323 p. (In Russ.)

Matveeva I.I., Mikurova P.L. *Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternakai i O. Frejdenberg 1930–1940-h gg.* [Theme of creativity in B. Pasternak's correspondence with O. Freidenberg]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazykovoe obrazovanie* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Ser.: Philology. Theory of language. Language education], 2019, № 2, pp. 50–56. (In Russ.)

Fesenko O.P. *Epistolarij: zhanr, stil', diskurs* [Epistolary: genre, style, discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, № 23, pp. 132–143. (In Russ.)

Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge], per. s fr. M.B. Rakovoj, A.YU. Serebryannikovoj. SPb., Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga, 2004, 326 p. (In Russ.)